

Привет, зубрилка!

Ненавижу школу! Как только за мной после окончания торжества по случаю вручения аттестатов о среднем образовании закрывалась ее дверь, постарался выбросить ее из головы навсегда. Поэтому, когда пришел на спектакль «Школа для ненормальных», постарался сесть среди обычных зрителей, подальше от места действия намечавшегося хеппенинга.

Однако фестивальная публика теснилась на партах, хулиганила и безобразничала, предвкушая веселое представление.

Порхали одинокие голуби, школьная доска в грязноватых разводах, лист железа, как зонтик, накрывал учительский стол.

Атмосфера ожидания была взорвана появлением эксцентричного учителя в потертом сюртуке, нелепой шляпе и обрешеченных в районе коленей штанах. Легкая перебранка с зубастыми учениками завершилась в пользу Педагога. Внимание зала было завоевано, и теперь-то стало можно начинать новый урок. О луне и человеке, плывущем в челноке, самолете-рыбе, летящем над ним, уютном доме в одно окно, ждущем случайной встречи с хозяином. Ученики-зрители пытались спорить, доказать свою театрально-хулиганскую правду, тыкали сигаретой в доску и обзывались, а Учитель гнул свою линию.

Тревожная пластика и разухабистая музыка — только они выдавали подспудное напряжение, копившееся в классе.

Взрыв. Учитель, разочарованный бездарностью детей, решает поменяться с одним из них местами. Пусть учат сами себя.

Ан нет! Чтобы учить, надо иметь что сказать. Урок летит в тартарары, казалось, что его ничто не может спасти. Видя это, Учитель снова берет власть в свои руки.

Задание на дом очень простое и очень сложное. Научиться слушать ритм: улицы и трамвая, дерева и теннисного мяча, солнца и театрального действия. Следующий урок завтра, через неделю, через два года... Каждый сам должен определить, когда урок будет готов, и тогда снова прийти в школу.

P.S. Фестивальная публика с восторгом играла в школу. Серьезные, убежденные сединами и украшенные лысынами гости искренне веселились. Зал излучал восторг от того, что через три года, прошедшие после предыдущего фестиваля, все снова собрались вместе и образовали учебный класс актеров-режиссеров-критиков, класс второгодников и новичков, выдавших виды ветеранов и юных гениев, которым едва открывается фестивальный мир.

Влад ФЕРКЕЛЬ

ШКОЛА ДЛЯ

*Сбежав из той,
давно забытой,
Где по мозгам
нас часто били,
Где лишь зубрежка
с вкусом пыли,
Мы словно
вырвались из
быта,
К любви и смеху
воспарили...
Мы эту школу
полюбили.*

Что было на уроке (записки с последней парты)

«Сначала мы вошли в класс и сели как всегда — за парты. Я был ужасно рад, что мне досталась последняя парта вместе с Алкой Павловой, у которой самые красивые зеленые глаза. Потом пришел новый учитель и даже не сказал, как его зовут, а сразу начал всех вызывать — кого поздравил с Днем Раждения, кого назвал Новеньким. Потом он стал рассказывать и писать на доске, а мел вдруг засветился зеленым. Все очень смеялись, а мы с Алкой зделали самолет и классно его запустили. Потом учитель рисовал на доске прикольные картинки, а всякие умники — типа Алика Булова их объясняли».

Ребята сильно шумели, и учитель просто озвирел — стал прыгать прямо у доски как латиноамериканский футболист, а потом вызвал Аню Федорову и стал ей показывать, как кружится земля. Он так ей показывал, что

Аня жутко покраснела, потому что там было уже похоже на взрослый фильм про «все».

В результате Мишу Чумаченко, хотя он и классно читал сочинение, раза три хряснули по голове укаской, а меня вызвали к доске и заставили стать на свое место — я будто учитель, а он — Сидоров. Тут я понял, как трудно, когда дети шумят и не слушаются, и тихо уполз на свою парту. И как раз урок закончился, учитель дал нам задание на прыгание шариков от настольного тенниса, и все стали ими кидаться. Потом учитель еще рассказал нам про Мальчиша-Кибальчиша, как он не сказал Буржуинам военной тайны (наверно, сам не знал). А Алка не разрешила мне нести свой портфель — какой облом!

Писал ученик Сидоров»
(Проверил Андрей ВАГАНОВ)

Среднее образование

Школа для взрослого человека — аппарат для выкликания коллективного бессознательного — всевозможных низменных страстей и страстишек. Они — лихие да коварные — притаились в организме и ждут волшебного слова — дабы расколдоваться. По А. Арто класс можно уподобить «телу без органов» — единой и неделимой на субъекты массе. Апелляция к полузабытым инстинктам — вероятно — и лежала в основе замысла спектакля. Но учитель оказался слаб и фокус не удался — в классной комнате собрались люди — по определению (бог Эма) дорожащие своими индивидуальностями. Не помогло даже то, что учитель попытался делегировать психоделическую замороженность жертвы (класса) себе. Акт публичного самоистязания и самобичевания — поливания себя водой и блестящими прошелестел мимом — ученикам хотелось чего-то праздничного и легкого. Впрочем, они все это и получили.

Остроумная придумка про класс и монструозного учителя на проверку оказалась вымученной и бессмысленно беспощадной. Она рассыпалась искрами отдельных гэгов, которые в один хоровод никак не сходились. Да это и в замысел — вероятно — не вошло. Шутиха рухнула еще до того, как прогореть и сдуться.

Суть смысла в том, что интеллектуал начнет искать во всем этом тайный смысл, а человек балдежный и компанейский купится на саму идею игрового пространства. И ведь почти купился, но жадность фраера сгубила. Чувство меры (точнее, его отсутствие) подвело.

Чудны дела твои, Господи. Слаб человек. Не знаю, как прошло первое представление. Быть может, учитель чинно отработал задуманную программу и все до-

вольные друг дружкой, разошлись обдумывать увиденное. Второе представление, на которое попал я, закончиться никак не хотело. Зрителям (ученикам) так понравилась игра в школу (забыли, вероятно, про ранние вставания, террор и засилье посредственностей, прочую густопсовую сволочь), что никто расходиться не пожелал. Начались импровизации. И как следствие, обнажилась машинерия чудес, прием, на котором все в спектакле кое-как, но держалось. Наглость импровизатора, который, видимо, следуя методу Николая Фоменко, пытался построить фейерверк на пустом месте. Но порохо оказался предательски мокрым. Быть может, сказалась усталость — все-таки два представления подряд, но... Поперла такая самодеятельность, которой и в сельском клубе днем с огнем не сыскать. И какую песню испортили господа.

Дмитрий **БАВИЛЬСКИЙ**,
«Культура»

Обознатушки и перепрятатушки

Вообще-то, честно говоря, как человек искусленный во всяческой театральности, я шел на театр «Дерево», думая застать культурный питерский коллектив, ставший известным в конце 80-х своим превдо «неофольклорными» поисками. Я знал, что худрук «Дерева» Антон Адасинский переместился со своими странным коллективом какое-то время назад в Прагу. И я очень даже порадовался за оргкомитет «Опытов», если уж им удалось выцепить того легендарного человека (или его хотя бы отдаленных, но учеников или единомышленников), то в следующий раз не миновать нам и самого. Страшно сказать, Бориса Юхананова.

Однако попсовая тусовка, устроенная в зале «НХТ» была прямо противоположна тем тонким и эзотерическим вибрациям, которые испускали шоу А. А. Нет, Адасинский

конечно, не был чужд дуракавалянию «Лицидеев», из которых, собственно говоря, и произрастал. Не были ему посторонними и шоуменские интенции «АВИА», в раскрутке которой он принимал самое деятельное участие. Но даже эти истоки и составляющие не могли объяснить мне того балагана (в худшем смысле этого слова), что сотворил в тот день, когда я узнал о смерти Фрэнка Синатры, г-н Олег Жуковский.

У меня есть только две, но одинаково печальных версии. Либо это то самое «Дерево», которое без участия Адасинского увяло и превратилось в нечто китчево-кэмповое. Либо, что еще хуже, это одно «Дерево», а там — другое «Дерево», и как в диком лесу, никаких тебе авторских прав и обязанностей.

Красота, что хуже воровства.

Федор **ГУНДОС**, «Команда»

Кончатъ нужно вовремя...

Был ли умысел в том, чтобы «посадить» питерское «Дерево» вслед за «Лиловым дымом», или это просто совпадение, но «Школа для ненормальных» случилась к месту. Этакий антракт, встроенный шкаф для зрительской энергетики, посреди буйства энергетики актерской.

В принципе, школа для взрослого человека — это бессознательное, своего рода карнавальное пространство, где шут становится королем и наоборот и разрешено все. Поливать друг друга водой, стучать по картам, выкрикивать смелые лозунги... Маленький Моцарт — символ непосредственности творческого акта — врет здесь основополагающей несущей метафорой. Так видный челябинский гуманист, член секции театральных критиков при СТД Андрей Ваганов, вошедший в действо в качестве учителя, оказался беспомощным. И как, напротив, хорош он был за партой. Такой типаж есть в каждом классе...

Но карнавал тем хорош и одновременно опасен, что с последним ударом часов все становится на свои места. Результат буйства — в лучшем смысле похмелье, в худшем — шут может лишиться головы. Роковая ошибка актера в собственной самонадеянности.

Карнавал закончился, а спектакль продолжался еще несколько минут. Время для аплодисментов было упущено. Пришли сомнения: «А не обманули ли тебя ненароком?».

Я. ГАЙВАРОНЦЕВ

